

**Чуркина Евдокия Петровна, 1924 г.р. Родилась в с.Петровка, Крым.
Интервью записано в с. Петровка Красногвардейского района АР Крым
7.08.2006.**

Собиратели: Венгер Альберт и Мороз Евгений.

С: Можна, з якого ви года рождения значала?

И: Я 24-го, 26-го июля.

С: А народылысь вы де? В цьому сели?

И: Здесь, здесь, в Крыму.

С: А родители ваши? Местные или приезжие?

И: Ну, мамы уже нет. Папы тоже. Повмирили. Их нет уже.

С: Но они приезжие или местные?

И: Папа сам этот, мама мелитопольская, а папа с Орловской губернии.

С: А як воны сюда приихалы?

И: Ну, папа учився на машиниста, а жили у Орле. Родные были у начальника как... рабочие, понимаете. Ну мама готовила, папа тоже готовил, был помором. И так они, а потом этих начальников перевели в Симферополь. И он забрал бабушку и дедушку в Симферополь. Здесь они жили, и мой отец родился в Орле, а его сестра родилась в Симферополе другая. Ну, и они здесь в Симферополе так отец выучился так начальник станции был, ихний опекун или как, шо они там у него жили, родные. Выучил его на машиниста. А, это, сестра его, еще только началась война тогда, забрали ее на фронт, и она была как медсестра у вагоне в поезде. И там вот за одним раненым смотрела, ухаживала. Он был сильно раненый, а сам он был москвич. И вот он эту мою тетю, считайте, увез в Москву, до своих родных. И так они там жили, родные, а отец остался здесь у Симферополе, работал машинистом Москва–Севастополь поезд. А потом, здесь у нас водокачка была, вот, недалеко здесь, щас базарчик этот, и там была водокачка. И он его поставили, здесь воду качал на всю нашу деревню.

С: А велике село було у вас, чи не?

И: Нет.

С: А хто тут жив?

И: Ну как кто здесь...

С: Ну по национальностям, тут жили.

И: Большинство украинцы.

С: Украинцы, да?

И: Вот мать моя украинка, мелитопольская. В Мелитополе родилась.

С: А не жили тут татары?

И: Жили.

С: Жилы? Карайимы жилы?

И: Да, да, да.

С: А евреи булы тут?

И: Евреев много было.

С: А это самое, а во вре..., а перед войною, то есть, чим занимались евреи? И евреи, и крымчаки?

И: Ну чем, ну в колхозе работали. Ну, евреев большинство, они были грамотные и большинство по конторам.

С: А вы не помните, як йих звалы? Имена не помните?

И: Ну, кто, Брискер от у нас в колхозе, работал все время. Щас, конечно, был, уезжал туда в Израиль. Ну, не знаю, где он. Там много было, разве за всех запомнишь.

С: А в школу вы в одну ходылы, з усима?

И: Да, да.

С: То есть все национальности ходылы в одну школу?

И: Школа вот была, школа вот, первая школа, вот здесь, где, там я родилась, дом коло школы.

С: А школа на якому языке була, на украинському, чи на руськом?

И: На русском.

С: На русском языке, да? И вси учылыся на русском языке?

И: На русском, ну, кто уже вот тогда, постарше, после седьмого класса, тогда вже могли эти, дети, учиться, и немецкий преподавали нам там один раз в неделю, вчились, а потом, когда уже началась война, с первого дня, меня угнали в Германию. Я работала вже в колхозе.

С: Тута, да?

И: Да, здесь в колхозе «Дружба народов».

С: Це скількы вам уже було, як война началась?

И: Ну сколько, мне 14 было, наверно, или 15.

С: А не помните, як немци вступылы в село?

И: Ну как же...

С: Вот яки у вас булы, яки у вас булы... коли ви побачылы? Якого першого, вы помните, як вы першого немця побачылы?

И: Конечно, я, окопы копали мы. Вот, начиная от Новой Стонии, и вот там вот была, щас где винзавод, потом где вот здесь Ближня, вот, и до линии мы копали окопы. А я окопы копала, мама моя была кухарка, трахтаристам кушать готовила. А я прибегу, Тият же недалеко, Пушкина, Тият, это мы ж теперь уже поиначе, Ближня, и вот мы там копали окопы, и я приехала, чтоб трахтаристам кушать повезти. А тада мать мене говорить, шо конюх повез трахтаристам кушать по другой линии, а нас берут в Германию. Понимаете? И она хотела меня спрятать, и это, мы в другом доме жили, на это там... И мама меня хотела спрятать, шоб я не попала в Германию. И она только меня ногу поставила на лестницу, на горище, там большие были такие иконы, шоб она мене загородила, с этими иконами, между икон спрятать и, шоб я в Германию не попала. А здесь наш человек, Чес был, который уже в полициях был...

С: Сразу, да, до немцив перешел?

И: Перешел до немцев, в полицаи, и он меня схватил за...

С: Вредный был, как он себя вел?

И: Да, вредный был. Схватил за платье... И вот мы, вот нас этот Чес, погнал меня у вагон. И стоял целый состав железнодорожный на станции, когда в Германию нас... и меня... А там уже люди сидели, которых ...

С: И шо у вагон?

И: У вагон, а там уже у вагоны були наши ребята. Федя Матюшенко, там много было, которые кричали мне в окно, что Дуся, давай сюда, шоб уместе ехать. Там уже соломы...

С: А боялыся йихать у Германию?

И: Боялась.

С: Вы не знали, вам не казалы, шо буде в Германии?

И: Ну там говорили, шо будутъ издеваться, будутъ там...

С: А скажите пожалуйста, а була эвакуация перед войною? Эвакуировалы когось?

И: Куда, в Германию?

С: Не, перед войною, наших людей? Скот вывозылы, там технику, чи людей, вивозылы перед войной?

И: Вы знаете, я вот вам не могу сказать. Вывозили, я этого не помню.

С: А там караимив, еврейв. Воны уизжалы, чи осталыся воны, колы немци...

И: Караимы, евреи, то позже уже, уезжали...

С: Но воны уезжалы, да?

И: Да, это они уже самовольно захотели ехать.

С: А вы не знаете, чо воны захотылы йихать?

И: А хто им знае? Я не знаю, вот Бристер у нас был, работал у конторе, та многие такие, которые захотели ехать и поехали.

С: А ти, шо остались, шо з ними случилось?

И: А шо с ними случилось? Работали у колхози, хто у колхози... а тода ж как колхоз был – шо зарабатываешь, а то шо там где в степи посодишь, то и ешь, потому шо у колхози ничего не было, ничего не давали, сам, свой огород, там пшенички посодишь, там ячменя, там курочку какую.

С: А зарплату как на трудодни давали, чи як?

И: На трудодни это уже после войны.

С: А нимци як давали зарплату, чи не платили ничего нимци?

И: Я была у Германии три года.

С: А, вы не знаете, а, три года аж булы.

И: Да, как мене от забрали, я попала до хороших хозяев. Што я могу сказать. Конечно, я работала с четырех часов утра.

С: Це у Бауэра вы?

И: У хозяина. И работала до десяти вечера.

С: А вы немецкий язык знали?

И: Знала. И сейчас немножко знаю.

С: Це вы в школи як вивчили, да и...

И: Да, школа мне помогла, конечно, то шо, ведь я знала читать-писать.

С: А там уже...

И: А там уже, шо я вращалась между них. Они же только... я ж одна была, потом прислали к нам украинца, парня молодого. А что я с ним? Я работаю свою работу, а он работает свою. Я даже на работе, не имела права с ним рассказывать.

С: То есть нельзя было.

И: Я вот встала в четыре часа, мой подъем был в четыре часа – иду в конюшню, мне в конюшню, телят напоить сразу если там...

С: А великое хозяйство было у хозяина?

И: Ну как сказать, 20-30 коров было.

С: И це вы коло всех ходылы? Дойили всех?

И: Да, одна.

С: Вот те 30 коров одна?

И: Да, вот, так они не все сразу доятся ж. Вот я ж стою, щас одеваю себе платье...

С: Платок...

И: Тапки свои у них там, немецкая такая обувь, деревянная, и пошла. Открываю воду там, надо и намешку дать, и коровы, и доить коров, и все, это я уже в коровнику все сделала, телят напоила, все, я переключаюся на свинарник...

С: Це цильный день?

И: Куры, гуси, утки, вот я кому мешку, кому зерно, кому что насыпаю там на городи уже, открываю дверь, курей открываю, утки, все выходить в сад. Там сад большой, огород, там, трава растеть, но, деревья фруктовые, яблоки, груши, вишня там и все, черешни не было, а сливы, яблоки, груши вот. И вот я выгоняю, а сама начинаю кормить свиней. Мешаю мешку, там уже такие были баки на, почти на тонну, картошку варили, мелочь, выбрасывали и крупную, если там чуть немножко разрезана, то, вот эту картошку, немножко дерти, свиней накормила, курей открыла, пошли в сад, все, я иду кофий пить.

С: Кормили хорошо?

И: Кормили, я вместе с ними кушала.

С: А, то есть за одним столом, да?

И: За одним столом, они с первого дня посадили меня за...

С: За один стол.

И: За один стол. Что они кушают, то и я кушаю. Сразу, никакого отдела не было. И хозяйка хорошая, и хозяин были, и у них двое детей было, мальчик и девочка. Девочке два

с половиной года, мальчику уже было пять лет. Вот, мальчик на своей тачке возил молоко, сдавали они государству. Я поставлю бидоны, у него такая собака, запряжет у тачку...

С: В смысле собакою?

И: Скажет «Жжж» и собака потащила прямо туда, где надо бидоны сгруживать. И я сзади, за бидоны держу. Пришла, эти бидоны сняла, и мы поехали за другие бидоны, потому шо одной тачки не хватало.

С: А коровы багато молока давали?

И: Чтобы сказать сильно, ну, и 10, 15 и 16, и 2, и 3, какая корова. Там у них есть и желтые, и рябые. Вот желтые меньше давали молока. Но молоко было жирное. А эти давали молока много, но молоко было... жирность другая. Потому шо там проверяли...

С: И плотность, жирность...

И: Жирность, все проверяли. Но я была всем в курсе дела, потому шо я была с самого начала. Когда я приехала, три дня они мне не дали ничего делать.

С: Вы дывылыся, да?

И: Вот, как раз картошка была у них выкопаная. И я просила работу. Знаете, как приедешь в чужое место, стыдно кушать садиться, за одним столом, шо хозяин, хозяйка и дети, и двое стариков были, все за одним, и меня туда посадили. Стыдно кушать, знаете, когда девчонка только приехала. Ну шо, постепенно привыкла, и они ко мне привыкли. Обижаться я на хозяев не могу, никогда они меня не поругали, никогда мне не обидели ничем, я с ними вместе. Я с ними вместе за столом. Только три дня мне не дали работать. Почему, потому шо на моей работе работала немка из города. И они не имели права мне дать...

С: Поки немка робила?

И: Да, потому шо немка работала. А я то чулки, носки штопала, то там что-нибудь хозяйка даст, а я шью, там штопаю, штопать я могла. И вот это моя была три дня моя работа. А потом все, пошла я...

С: Закрутылы...

И: В этот, уже сарай. Дойка, телят поить, свиней кормить, коров кормить, вот это моя. Кончилась, я кофий попила в 7 часов, и начинаю навоз чистить, у свиней, у курей там. А хозяин уже поднялся с другой немкой, тот уже навоз чистил у коров, а я в этих. А там если молотилка, уже молотили, люди приходили еще другие, потому что молотилка ж требует, шоб там стояли коло зерна, где солома, где полова. Наверху полова сыпется, все по трубам, у них все механически. Солома в тюки сразу вяжется в одно место стоять человек, эти тюки откидаить. Полову там где-то на горище стоять человек откидаить, шоб не загромождалось. Вот такая работа. Я, что я могу сказать на хозяев? Я просто научилась жить, как все делать, как тяжело работать, но работу надо знать. Если ты работу знаешь, то, я ж за что ни возьмусь щас делать, я все знаю – и постирать, и убрать, и зашить, и полатать, и, пошла на комбайн – и на комбайн пошла, на тракторе – на тракторе, пошла копать – все знаю. Потому шо, я все это чисто испытала.

С: А скажить, пожалуйста, а до войны, отличались, напрыклад, хаты росиян, украинцив там, чи евреив, караимив, отличались?

И: Нет, хаты нет.

С: Однакови були?

И: У нас вот мать, например, осталася, первый муж у ней погиб. Как, вот здесь вот на этой земле, вот я щас живу. Он остался в окопах, это ее первый муж. Он был богатый, а она была бедная, они с Мелитополя бедные, приехали, пять душ семья, детей только было у дедушки, у бабушки, а куда? Вот они до богатых шли, кто вот куда, вот это два километра, где там вода. Я забываю уже, как называется деревня. И, так...

С: Все однаково жили, да? А якость отличались друг от друга, от караимив, татары, евреи от русских отличались якость?

И: Вот мы как-то...

С: А ви з нымы общались?

И: Мы вместе все были.
С: То есть все вместе.
И: У школу ходили, евреи и русские.
С: А воны, евреи, на своем балакали, мижду собой?
И: Нет.
С: То есть по-русски?
И: Все по-русски, все чисто, потому что как-то вот украинский и русский, вот, считается как международный, так? А уже евреи привыкали к нашему...
С: А по своему миж собою вони не жили?
И: Да, нет, они между собой по-своему вот это евреи, они ж между собою по-еврейски рассказывали.
С: По-еврейски, да?
И: А уже с нами...
С: Коли с вами, то...
И: Уже... Но они старались учиться, они старались у ту контору попасть, а мы в степи.
С: А були таки евреи, шо в степи робили, шо на фермах?
И: Были, были, но большинство евреев были...
С: А рядом були у вас якись еврейськи села, де чисти евреи жили? Були таки?
И: Так вот, была, я даже не могу сейчас вам сказать, были деревни.
С: А ви там не були в тих деревнях, де були, де жили евреи?
И: Я только ж в какой деревне была, вот, где сейчас больница, вот это там, там только я была.
С: А одесь як колхоз «Росия» був, ви там не були до вийни? А, оце до войны були ви там. Ну и яке там село било до войны? Обыкновенне село, да?
И: Ну что там, три домика, несколько, сколько домиков, там домики какие строились... Ну, это ж мы уже вот два года как вот это вот...
С: Ремонт...
И: Купили, да. А прожили уже сколько лет...
С: Билена хата?..
И: Да, все... Строились, дедушка был в армии, а я здесь... уже у меня был ребенок от первого мужа.
С: Уже когда вы приехали с Германии, да?
И: Ну, когда с Гер... я в Германии там нашла себе мужа, который работал рядом со мной. И там мы с ним... хозяйка нам... в церковь нас повела, там нас обвенчала, и все, и мы там сошлись, только он в одного хозяина работал, а я в другого. И так мы сошлись, и все, и я сына родила, но сын уже погиб...
(...)
С: А скажите, розстрелявали немцы людей тут, тих, шо пооставалися, не знаете, тих що остались, людей?
И: Вы знаете, вот я этого не могу, потому шо я...
С: Ну а може хтось розказував вам, як ви приихали, ничьо не розказували?
И: Ну так чтобы вот расстреливали...
С: Ну там евреи вот, розстрелявали?
И: Евреев да.
С: А багато розстреляли, чи ни?
И: Вот я вам сказать не могу, потому шо я... меня ж сразу забрали в Германию...
С: Ти евреи и караимив розстрелявали или нет?
И: Вообще такую нацию не знаю.
С: А не знаете, чо их розстрелявали?
И: Которая похожа на еврейскую. А кто их знае, они ж ничего не делали. Шо они к нам... мы ж уместе работали, уместе все делали, уместе жили, только шо Пасха у них

раньше, они мацу делали, а мы паски пекли, так же? А все равно они нас вот рядом мы ж... там, того вокзала, евреи Балкины были там разные, ну... И все мы вместе жили, и танцевали, и музыка, все...

С: А по-еврейски песни не спивали?

И: Нет.

С: Не танцовали ни еврейских танцев, ничего?

И: Они по-русски училися, а мы по-еврейски нет, не могли.

С: Наче, вони так спивали мижду собой, ви чули, як евреи там песни спивали чи так, як собиралися?

И: Мы же не понимаем ничего...

С: Ни, ну вообще чули, шо вони?..

И: У них очень тяжелый язык...

С: Тяжелый? На немецкий похожий у них, у евреев?

И: Нет, нет. Вот я немецкий поняла быстро, а еврейский... или то шо я не обращала внимания, что они, эти парни, и мы, наши де... мои сестры постарше которые, все вместе танцевали, все русские танцы...

С: А там були семьи русские, украинские, шо и евреи вместе були семьи смешанные?

И: Были ... и русские. У меня мать украинка, отец русский, орловский, а мать – мелитопольская...

С: А с евреями були смишани?

И: Ну как же...

С: Були то же, да?

И: Ну, и даже выходили русские за евреев замуж и...

С: И наоборот, да?

И: Да. И все в конторы вот сидели, евреи, большинство ж они училися, шоб получить какую-то грамоту. А мы что? Мы колхоз, мы ишаки...

С: Так ви в «Росии» були, там вси евреи в колхози робили, в том сели, це де больница «Росия» отам?

И: Ну, как сказать, ну большинство евреи старались по конторам, а на поле мало хто был евреев, а большинство по конторам. А потом когда уже их начали выгонять, они стали уезжать, вот, Израиль, что, что... Там я уже не знаю, чем они занимались.

С: А что здесь было после Германии? Ну, когда вы приехали сюда.

И: Ну что, колхоз.

С: Ну, какая, руины были или как?

И: Ну вот там где себе какую-нибудь хибарку строил... вот мы в школьный двор у нас старый, от здесь вот Петровки, там школьный двор... вот, мама там как работала у школе уборщицей, так нам дали одну комнатку маленькую, а тада мы уже в домик как-то, колхоз помогал, колхоз очень помогал нам тут строить ти дома. И доставал лес, и камни, все, у нас и колхоз вообще наш вот «Дружба народов», сразу...

С: А чо так называется, «Дружба народов»?

И: Не знаю. Все люди дружно работали. Вот не было в нас, шо ты еврей, ты немец, ты такой татарин.

С: А нимци то же були?

И: Были всяки нации. Вся, вот, у нас Даниловка, потом, щас не знаю, может, другие уже названия, а вот там большинство немцы жили, а потом их вакуировали.

С: Перед войной, да?

И: Да, перед войной, и вот, мне вот, так, я уже у школу ходила, заставили там... куры, все осталось же без присмотра, их угнали же, людей, а нас как учеников заставили работать, и курей там, и коровы мычать...

С: Доить надо...

И: Потому шо надо доить, и все, а потом через переправу там, коло Джанкоя, отпраляли все или у Герма..., я даже не знаю, куда отпраляли.

С: А евреи, ти, шо перед войною ихали, вони хозяйство оставили свое тут?

И: Все ставили.

С: А куди хозяйство дили?

И: А хто знаетъ...

С: Люди соби поразбирали там?

И: Ну да!

С: Коров... А вони коров держали?

И: Большинство старались колхозу... Как колхоз образовался, то гнали вот через переправу, вот здесь коло...

С: Эвакуировали и весь скот, да?

И: Да, да. Вот здесь коло Джанкоя новая линия есть, вот мы едем с Петровки с Курмана, да, а там поворот есть, у Джанкой едешь, а потом другая линия поворот. Вот туда старались, переправа называлася, вот туда там перепраляли всех, весь скот, все. Нас учеников собирали там, и резали курей, то ж ходили беззащитные животные: коровы, телята, и все брос... Они ж все побросали, и нас как учеников, там две-три женщины такие, а нам еще, дети, их заставляли работать, и мы работали там все помогали этим женщинам, шоб скот это перепраляли для военных, которые, видимо, шоб кормить военных...

С: А до войны ви хозяйство якесь держали дома?

И: Да.

С: А шо ви держали?

И: Корову с поросенком.

С: А евреи тоже держали коров?

И: Да, да, все

С: То есть хозяйство вони вели так саме, як уси?

И: Ну конечно они большинство по конторам были.

С: Ну а ти, шо в степу, то ти держали

И: Но мало было их в степи, а большинство они училися, кончали по десять классов, образование, уже в институты пошли. А украинцы, русские уже мало хто пошов туда учиться, потому шо не было возможности. Это надо было деньги.

С: А у евреев були деньги.

И: Ну, они как-то экономней жили, или что, я даже не знаю, но большинство, они работали то по магазинам, то где-нибудь на предприятии, ту бухгалтеры, то... старались учиться. А нам за что учиться, если в матери куча детей?

С: А у евреев велики симьи були?

И: Тоже было детей, ну как-то они...

С: Поскильки десь?

И: Они почему-то старались детей своих учить, у колхозы мало хто йшов.

С: Ну а батьки сами в колхозах робили, да?

И: Да. А русский народ в колхоз, «Дружба народов» это раньше колхоз. У 4 подъем и пешачка ж ... туда, в степь.

С: А чим ви землю... тракторами орали, да? Обробляли землю тракторами, чи?..

И: Сразу один трактор был, потому шо...

С: А так волами чи чим, чи коньми?

И: Лошади, волы были, и руками, большинство ручная работа.

С: А в ручну и жали и...

И: Та все далали.

С: А ви помните, як колхоз организовували?

И: Помню.

С: Люди добровольно йшли в колхоз?

И: Записывали. Вот я же, сколько мне было, 14 лет. И я вже в Германию попала, а до этого мне было 12 лет, я вже пошла в колхоз работать. А что я делала?.. Мать работала повариха, трактористам кушать, а я ей помогала – то хлеб пекти, то что. И ходила ж у конюшню, лошадь чтоб привести трактористам кушать, один трактор только появился. И я хотела все знать, потому что я была у семье некрасивая, и меня считали уроду, что длинноносая, и все сестры меня почему-то презирали, что я вот длинноносая. Но они ж, не виновата. И мне пришлось... вот меньшая сестра, та вже у нас была паничка, так и говорили. Ничего нельзя заставлять делать... Она только шоб покушать, значить, первое ей, хорошее, а мне, шо придется. Я с матерью, 4 часа подъем и пошла на кухню, и пирожки там пекла, и вареники делала, потом пошла лугатором работать, бегала у школу, ходила, бегала по деревне, всех людей записывала, что надо кому делать и куда идти у колхоз. В колхозе ж работы мало было... Че делать будете рано утром, когда он не знает куда. А я утром устала, в 4 часа, матери там помогла кое-чего и бегу до бригадира, а бригадир у конюшне. Дяда Клим пишет мне это, бумажечку. На эту сторону, кому идти сказать, и на эту сторону. Вот я бегом бежу сюда, там два-три человека, и бегом сюда бежу. Сказала, а потом иду в школу учиться. И вот так... а потом у Германию...

С: А був голод у 30-х годах чи ни?

И: Был.

С: Сильный був голод?

И: Да, сильный.

С: Багато людей померло.

И: Ну, так шоб сильный голод шоб так... Ну, йисть не было, и йили травку разную...

С: А мерли люди?

И: Умирали.

С: А че був голод?

И: Та сами не знаем чего, потому шо не было хозяина. А потом когда появился вже у нас председатель у колхоза, тогда уже стало... купили плуг, купили трактор...

С: А в голоди люди були виновати, то исть? А забирали ходили зерно, чи шось?

И: Все соби!..

С: Во время голода.

И: Вот, пшеница, шо они, скосили. А забрать так: половина зерна оставалась в степи, вот, ходили, по зернышку собирали, шоб никто не знав, потому шо если начальство узнает, шо мы собирали ту пшеничку...

С: Це ви соби до дому, да, собирали?

И: Так вот, мы собрали – они приедут, заберут у нас, понимаете как? А так мы чуть свет...

С: А хто начальство був? В начальствии хто були?

И: Ну хто, дядя Клим Волович был первый бригадир наш...

С: То исть свои люди в своих же й забирали?

И: Ну вот то шо свои люди, вот они нам помогали прятаться. Хоть увидит, скажет, что не видел, так же? Это ж так везде делал. Вот пойдём на степь, собрали там у мешочек этих колосьев, шобы отбить, постучать, и какую-нибудь там не то пышка, ни то что, спекти. Ну, а он уже вроде не видел, понимаете? Прощел, посмотрел, шо мы делаем это, ну вроде не видел, шо мы колоски собирали. А запрещал, по государству запрещал.

С: А були таки, коли наказували за це?

И: Ну вот я не помню даже, потому шо если б был другой бригадир, который бы нас поймал и сдал, так конечно были б мы... Может, у других колхозах и было, а у нас был такой бригадир, свой...

С: А евреи с вами ходили, собирали колоски?

И: Нет, у нас евреи этим не занимались.

С: А шо ж вони йили?

И: Шо йилы?

С: Во время... голод же був.

И: Ну, они ж у нас все были как ученые, понимаете? Евреи большинство, они все учились.

С: Ну а ти хто в степу, були ж таки, хто в степу робив. Ну хочь хтось були?

И: Нет. Хоть они в степи и работали, у него не работали они на этих...

С: Колоски вони не собирали?

И: Нет, и колоски не собирали, и не цапали, а большинство в конторах.

С: И им государство помогало, да?

И: Да, потому что они как-то... у них или шо мы были дураки, не могли учиться, или то шо ми... нам... неко... Когда учиться, если меня... придешь домой, надо все на день сделать, помогать? Мать уже у 4 часа ушла на работу, придеть у 7 вечера, а то и в 8. А все чисто и там какая коровка или цыпленок, все ж надо делать, то навоз, топчем, режем, то еще...

С: А, шоб топить, да, навозом топили?

И: Да, то огород, надо шо-нибудь усунуть у землю, шоб шо-то было кушать...

С: А забори були у вас до войны?

И: Нет.

С: Оце просто хати стояли, да?

И: Да, просто домик стоял.

С: А яки у вас хати були, довги? Чи отдельно конюшня, отдельно сарай?

И: У нас была маленькая.

С: А сарай отдельно був, чи у хати, оце вси вместе?

И: Заходим в одну дверь, здесь лошадь, потом пося дед... бабка... этот... отец работал машинистом и де-то там договорился в деревне, шоб купить козлика, красивый...

С: А якийсь в вас реманент був? Ну, чим ви землю оброблять, не було дома ниякого ни букаря, ни плуга, ничього дома не було, все в колхозе?

И: Все было в ручную, копали. Воды, колодец один был, воды не давали, раз у сутки два ведра. Шоб посадить шо-то на городи, шоб там помидорчик вырос и все, полить нечем. Потому что он накачал, например, сколько-то воды, бассейну... И вот он должен до вечера эту воду... а если хто поливает, увидить, он шо-то узял, бочку повез и на городи полил, придеть оштрафують, все делалось тихо.

С: А в хати були у вас печи? Чим ви топили? Пичь у вас були, да?

И: Да, эти, у нас был казаночек, знаете, железные казанки. Дед, отец мой работал же на железнодорожника. И вот он с Симферополя, он же, как с Орла они приехали, с Орловской губернии, отец и мать у начальника станции работали. И он там воспитывал их всех. И пошел на машиниста его этот начальник станции железнодорожной симферопольской, поставили его там учиться, где... в Симферополе где это... все это, паровозы лечуть, все... И там батька мой выучился, а тетя, было 8 лет, и она только пошла в первый класс, один класс кончила, а здесь началась война, и она уехала... у вагони ее угнали... И она у вагони нашла себе мужа. Его ранило, отрезало ему и ноги и, в общем... и она за ним смотрела, и там она перешла в другой... смотреть, ей вже 14 лет было, она все время его лечила. И так она вышла замуж, и так... Им дали... он в Доме союзов работал, я даже у Кремле была. Дядя у Доме союзов работал, дал мне...

С: Пропуск.

И: Пропуск. И я приходила там, пойти прямо. И вот, Сталина, щас вот я читаю как раз книжки, там, дали мне эти, один человек, старые книги... и говорить, что вот Сталин такой-такой, шо вот он был нехороший, все... Но как я могу сказать, если я пришла с тетей, конечно, у меня было платьечко старенькое, мне нечего было одеть такого, шоб я была хорошо одетая. Стоить вот в Кремле, это с другой стороны, такая елка громадная, аж под потолок реально, шо мне ж аж голова кружится, и тетя... как дядя в Доме союзов работал, он привел по пригласительным, и мы пришли туда и Сталин...

...

С: То йисть ви это, и вместе с Сталиним, да, ходили?..

И: Вместе с Сталиным, да, и... только вот мне не пришлось с Лениным, мавзолей Ленина посмотреть.

С: Ну а Сталина ви живого побачили, да?

И: Видала.

С: Ну й як вин вам понравився? Ви ради були, шо побачили?

И: Ну, обыкновенный был. Вот, говорят, вот Сталин такой, а я начинаю вот щас книжки дочитаю усе, ну это же брехня! Ну от, конечно, он же начальник, он большой начальник! Он должен вести это все, да? И все знать. А он пришел, нам давали подарочки, вот эти в кулечках, что он, он, привезла машина, сгрузила, нам всем по кулечку дали. Мы потом стали... он не смотрел, пришел, я стою... Он взял за ручки и вокруг елки с нами начал кружиться.

С: А, на Новый Год, наверно?

И: Ну да, когда елка, Новый Год.

С: А щас пишут, шо вот Сталин такой был, он против был. Он мог меня взять, другую и вокруг елки с нами крутился. И выступали дети вон на площади, я ездила, тетя в Москве жила. Я ездила вот на эти праздники. И он стоит на трибуне, высказывается, и там коло него дети стоять, одетые все. И мы идем строем по Москве. Там же мы не останавливались, вот собрались, а потом идем строем. Коло Кремля, мы прошли, Сталина увидели, как он с детьми и как он подарки нам, мы идем, детям подарочки. Ну, что я могу про него, вот я читаю беру сейчас со старых... у меня, знаете. Я вот счас и думаю, ну как вот люди могут человека осквернить, раз плюнуть, любого. Если, вот сосед живет, да? Он на меня злой там или что. И он может ну какую-то причину найти так о тебе ударить, правда?

И: Да.

С: Любого, хоть ты, хоть зять. И шо ты сделаешь, ничего. Так и все, каждого...

И: Скажите пожалуйста, яке у вас в хати до войны було убранство? Шо у вас в хати було?

С: Та шо в хати було?

И: На чем вы спали?

С: Кровать такая раздвижная была.

И: Железна?

С: Нет.

И: Деревянна?

С: Деревянная, да. Вот раздвигаем...

И: А на печи спали?

С: И на печи, и на полу.

И: А йилы шо вы до войны, шо варылы?

С: Толкли большинство вот это зерно собирали, толкли на ступку и вот кашу.

И: Пшенишну?

С: Кашка, кашка, кашка, потом коровку уже завели. И вот так вот пошло, уже отец хорошо зарабатывал, и привозил с Москвы, там же уже была тетя в Москве. То с Москвы привозил нам тряпочки, уже там по соседству, то платычко, то трусики там, то чулочки, все ж порватое, выбрасывают, а тетя собирала и нам привозила, потому шо маме купить не за что было, шо, один отец работал, а мама в колхозе шо получала?

И: Беднота була, да?

С: А ничего ж... Беднота была. Вот она приносит нам эти, все старое, мы поштопаем, полатаем, и носили.

И: А другие люди, евреи тоже все ходили в такому бидному?

С: Нет, евреи большие жили, как вам сказать, почему-то или доступно было, шо они богаче жили. Они большинство по конторам. Вот если один еврей ушел в контору, то уже он своих родычей все равно всех перетянет.

- И: А жинки-еврейки робылы еврейськи?
С: Когда как, большинство, если она грамотная, бухгалтер или что, так она работает.
И: А булы ти шо дома, не грамотни?
С: Да.
И: Дома сьдили?
С: Дома сидели.
И: А не нанималы воны до дому робочих соби? Шоб там чи хату помазаты, чи поприбирать, на городаы не нанималы?
С: Вот эти немецкие дома у нас остались, так вот эти вот квартиры им поотдавали, вот они жили там, там уже все готовое. Немцев-то угнали, а эти квартиры-то остались.
И: Це перед войной, да?
С: ...Даниловка, Антоновка, это все ж осталось там, дома, усе. А евреи большинство захватили эти дома. А уже русскому, там какую слепил, то слепил. Из чего слепил, из...
И: А з чого строили хаты?
С: Калык.
И: Калык? Шо це таке?
С: Ну вот... земля, делали такие кубики...
И: Формы, да?
С: Да. Вот длинные и это, а потом же ж...
И: Солому?
С: Да, солому все топтали, мешали.
И: Навоз, да?
С: ... а потом уже начали камни перевозить.
И: А чим крылы хаты?
С: Чим придется, лишь бы не текло.
И: Солемою?
С: И брезент, и солому большинство подстилали, шоб где спать было.
И: Спалы на соломи?
С: У нас эти, по деревням жили татары. Они приходят что-то купить, потому что там у них нет, да. Вот где камень добывают, вот там татары были. Вот они придуть днем, ну что, что у нас есть. Что есть, то они кушали с нами вместе, а потом идуть у магазин, потому что у них магазина нет, там соль, спички, вот такое, шоб что-то купить. Вот они купят, мать шо йисть, то и накормит. У нас не было такого, шо вот ты русский, еврей, татарин или хто.
И: Все вместе, да?
С: Вместе. Он человек, одинаковый...
(...)
И: А ваша мама, она по-украински балакала, чи по-русски?
С: По-украински, ну а потом уже так, не понятно. Какое слово как кто скажет. Потому что она ж большинство с трактористами, с машинистами, поваром была она уже на кухне готовила, я с ней там, а потом на тракторе там, у Германию отправили, три года в Германии. Вот я в Германии школу хорошую прошла. Хоть я много работала, но я много научилась. Понимаете, что я все могла делать, мне все заставляли, с самого мелкого. Я в четыре поднялась, знаю, что надо телят, а там телят не поят, как у нас поят, а там открывають калитку, телята выходят, и она знаить свою маму каждый. И идуть, и сосуть... корову. Вот, как только этот теленок родился, сразу его под свою мать, шоб он один раз пососал. Когда он один раз пососеть, он уже на второй раз сам идет до своей мамы.
И: И пьеть скики хоче?
С: Да, сколько хочет, сосет эту корову. Нет такого, чтобы поить теленка.
И: И вельки вырасталы з йих телята? Хороши, да?

С: Хорошие коровы, хорошие, потому шо молочко, молочко это ж много значит. Не то шо там водичку добавить.

(...)

С: Хозяйка меня никогда не обидела, никогда не сказала, шо... Хозяин тоже. Были дети, уже пошли по детям. Я даже щас, если бы этого сына увидела, то как родное дите. Потому шо он маленький пацанчик, пришел, поднялся чуть свет, и уже со мной молоко отвозить, собаку запрег, пока я там бидоны поставила. Он собаку запрег, отвезли молоко. А там курей кормят, там свиной. Уже навоз я не чистила, уже навоз хозяин встает, и немка работала у них. Уже они навоз вычищали после коров, а я после свиной. Я вже у коровнику, накормила коров, напоила, подоила, молоко отвезла и иду до свиной. А хозяин поднимается, и немка, в семь часов. И они идут уже навоз вытаскивают из коров. Там во дворе у них специальная яма большущая, где они навоз туда вилами тянуть из конюшни, а потом вывозят на поле. Вот так я даже не жалею, шо я побыла в Германии. Я научилась жить. А шо я здесь у Советском Союзе делала? Школу кончила, хотела учиться поехать в Симферополь, мене школа посылала, так батька не разрешил, что надо дома работать. А кто в колхозе будет работать? А мне школа, как я была, как... шо везде нос свой длинный... я не отказывалась никогда у школи ни от какой работы: полы помыть, убрать, или шо сделать, я всегда шла, потому шо я хотела, чтобы мене помогли, шо я голодная ходила, так же? Когда человек голодный, он ищет себе какую-то работу, вот и меня посылали в Симферополь, там вот высшая школа, которой... я б была каким-то начальником, а родные не пустили. И приходили и с райкома, и с райисполкома, она девочка мол то шо она плохо на тройки учится, то шо мне некогда было учиться, мне надо было работать. Когда мне учиться, так, чуть-чуть и все. В четыре часа я уже матери надо и корову подоить, и все чисто сделать, и на город, там уже на поле. В школу пришла, в семь часов я вже бегу по Петровке, меня бригадир посылаить туда и сюда, уже сообщить тому, куда на работу идти. А в восемь часов уже надо в школе быть, а шо я, в семь классов кончила, так я кончила их, потому шо я учиться не могла, я, дома надо было работать и матери в степь идти помогать, как я могла? На троечки... И в Германию нас забрали.

И: Спасибо вам, шо рассказали.